

КАК БЫЛ ОСТАВЛЕН ЧИГИРИН: МОТИВЫ ПРИНЯТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1673—1681 гг.

Утром 12 августа 1678 г. генерал-майор Петр Иванович Гордон (урожденный Патрик) с окровавленной шпагой и дымящимся пистолетом ворвался в шатер своего командующего. Используя богатый словарный запас, накопленный за годы службы в России, известный крутым нравом шотландец выложил боярину Ромодановскому и его товарищам-воеводам все, что думает о позорной сдаче туркам вверенной ему крепости Чигирин. То, что разъярило Гордона, и о чем не мешало бы подумывать историкам, касалось странностей всей кампании лета 1678 г. и особенно событий 11 августа. Ярость армии была особенно остра на фоне побед в жестокой, но малоизвестной современному читателю войне России с Турцией (1673—1682)¹.

Чигирин, обороной которого командовал Гордон, был не только политическим центром Правобережной Украины, но и символом победоносного перелома в войне, объявленной царем Алексеем Михайловичем в 1672 и начатой в 1673 г. под знаком прекрасной идеи союза славянских и христианских стран против османской агрессии². Не дожидаясь помощи (и в итоге не получив ее), Россия и подданная ей Левобережная Украина зимой-весной 1673 г. начали военные действия против опаснейшего неприятеля, имея в лице Речи Посполитой ненадежного союзника. Вскоре кровавые бои шли на огромном фронте от Днестра до Азова. Турецкий султан лично командовал наступлением на Правобережье, крымский хан пытался прорвать укрепленную границу России. Русские полки пробили выход в Азовское море, в которое под командой Григория Ивановича Косагова вышел построенный на Воронежских верфях морской флот³, и совершали вместе с казаками налеты на полуостров Крым⁴.

В начале войны Речь Посполитая заключила с Турцией сепаратный Бучачский договор, «уступив» мусульманам и их вассалу гетману Петру Дорошенко большую часть Правобережной Украины, включая находившийся под протекторатом России Киев, — т.е. не только нарушила союзное соглашение, но и поставила Россию под удар. Ратификации договора удалось воспрепятствовать, на польский престол был избран воинственный великий гетман Ян Собеский, и осенью 1673 г. Речь Посполитая вновь вступила в войну⁵. Но битва за Правобережье развернулась между русско-украинскими войсками князя Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича — и турецко-крымскими армиями с их союзником Дорошенко. К осени 1675 г. оба гетмана с ужасом глядели на превращенную в пустыню Правобережную Украину: один клял решение искать «обороны турецкой и крымской», другой

заметил, что Дорошенко уже «не над кем гетманить, потому что от Днестра до Днепра нигде духа человеческого нет»⁶.

К воцарению Федора Алексеевича в январе 1676 г. Россия пришла с повышенными налогами, экстренными поборами и разорительными откупам, истощенными мобилизационными ресурсами и расплывшимся на огромном фронте войсками. Правда, осенью 1675 г. удалось заключить договор о взаимопомощи с Империей, но та в союзе с Испанией, Голландией и Пруссией сражалась против Франции, Англии и Швеции (1672—1679), обещая выступить против Турции, если Россия нападет на Швецию!⁷

Располагая Чигирином — военно-политическим центром Правобережья и отличной крепостью, — турки, согласно данным разведки, планировали нанести сокрушительный удар по Киеву, единственному противостоящему им городу на той стороне Днепра. Летом 1676 г. стало ясно, что политический курс Матвеева (вопреки традиции «смены караула» оставленного Федором Алексеевичем во главе Посольского приказа) терпит крушение. В октябре, как ожидалось, Ян Собеский окончательно вышел из войны, заключив с Оттоманской Портой позорный Журавинский мир. Король предал союзника, «уступив» туркам Украину и обещав Турции военную помощь против России!

Однако враги и предатели опоздали. 4 мая 1676 г. князь Василий Васильевич Голицын был первым в новом царствовании пожалован боярством и с чрезвычайными секретными полномочиями выехал на Украину⁸. Под воздействием будущего канцлера правобережная украинская старшина дружно отвернулась от Дорошенко. Между тем конница полковника Г.И. Косагова совершила бросок к Чигирину. Склонившись на убеждения Голицына и зная неукротимость Косагова (соратника запорожского кошевого Ивана Серко), Дорошенко сложил гетманские клейноты и сдал крепость с 250 пушками. 27 сентября Федор Алексеевич милостиво принял воеводу Ивана Ивановича Ржевского. Думный дворянин доложил о победе от имени командующего Ромодановского и гетмана Самойловича⁹. 17 октября, в день Журавинского позора Речи Посполитой, перед царем и Боярской думой были брошены клейноты Правобережной Украины вместе с турецким бунчуком и знаменами, взятыми в Чигирине¹⁰. Было известно, где произойдут решающие бои, если Турция всерьез схватится с Россией.

Турки не могли пойти на Киев, не взяв Чигирин. Царь и Боярская дума велели «тотчас» начать подготовку к обороне Правобережной Украины¹¹. Чигиринский замок с осени 1676 г. укрепляли 1200 выборных (гвардейских) солдат полковника Матвея Осиповича Кровкова — одного из создателей русской регулярной пехоты¹². Нижний дерево-земляной город готовили к обороне казаки гетмана Самойловича.

Предстоящая кампания изначально представлялась Москве как столкновение технического и военного искусства двух держав. Превратить Чигирин в современную крепость должны были инженер-полковники Николай фон Зален и Яков фон Фростен¹³. Федор Алексеевич позаботился о переводе на Украину одного из лучших солдатских

полков — выборного полка генерал-майора Аггея Алексеевича Шепелева¹⁴. Общее командование обороной Чигирин было поручено генерал-майору Афанасию Трауэрнихту.

План Чигиринских кампаний 1677 и 1678 гг. был традиционен¹⁵. Получая достаточно подкреплений, крепость оборонялась до подхода основной армии, которая наносила супостатам сокрушительный удар, благо ей не приходилось гоняться за врагом: это было немаловажно, поскольку ударной силой Ромодановского были пехотные стрелецкие и солдатские полки, тяжелая кавалерия рейтар и Пушкарский полк.

В 1677 г. турки бросили на Чигирин разгромившую поляков армию Ибрагим-паши по прозвищу Шайтан. Войско от 40 до 60 тыс. турок включало отборную конницу тяжеловооруженных сипахивей и 10-15 тыс. янычар. Около 19 тыс. составляли войска молдаван и валахов, до 40 тыс. всадников дала Крымская орда. Традиционно тяжелая османская артиллерия насчитывала 35 стволов 20-36-фунтовых пушек и 80-фунтовых мортир. 3 августа Шайтан обложил Чигирин, стоящий на каменной горе над р. Тясмин, правым притоком Днепра.

Турки были известны умением брать крепости, к тому же им помогали специалисты союзной Франции. Здания Чигирин были уничтожены, крепостная артиллерия в значительной мере подавлена, но неприятеля встречали запасные оборонительные линии и ретраншементы. Преимущество осажденным давало массовое применение новых ручных гранат, которыми был отбит и генеральный штурм после взрыва подкопов. После трехнедельной осады Чигиринская крепость туркам «костью в горле стала». Русские стрельцы и солдаты, несмотря на «великое утеснение от верховых нарядных гранат», ходили на вылазки «как на праздник», в парадной форме. Блокада была ненадежной: 20 августа 1415 драгун и сердюков подполковника Фаддея Тумащева с распущенными знаменами и трубным игранием вошли в Чигирин по мосту через Тясмин.

Ромодановский имел до 49 тыс. воинов со 126 пушками и гаубицами, стрелявшими 1-10-фунтовыми ядрами и гранатами, и 15-тыс. армию Голицына в тылу, плюс легкую кавалерию Самойловича. Эту силу князь расставил на Бужинском перевозе, где противоположный берег понижался и полуостровом вдавался в Днепр. В ночь на 27 августа солдатские полки Верстова и Воейкова и казаки Левенца и Барсука на барках пересекли реку и отбросили заслон крымчаков. Артиллерия с другого берега подавила стрельбу турок.

Высадившиеся окопались, а затем расширили плацдарм, построив укрепленную линию длиной более 3 км. Ромодановский посылал в лодки новый полк, как только для него готовилось укрепление. Во второй половине дня 27 августа турки атаквали, но были отброшены огнем полковой артиллерии и мушкетов выборных солдат Шепелева и Кровкова. Командующий успел перебросить полки Гордона, Гранта, Россворма, кавалерию Косагова и казаков Новицкого. Переброска 15-тыс. корпуса через Днепр обошлась потерей нескольких десятков человек, при этом занятый плацдарм был хорошо укреплен.

Переправа перед лицом неприятеля считалась в XVII в. отчаянным подвигом, поэтому Ибрагим-паша не сразу поверил донесениям, а поверив, сделал худшее: беспорядочно бросил основную часть армии на плацдарм. Когда турки дрогнули под огнем артиллерии, Косагов бросился в рукопашную, и только тяжесть его кавалерии остановила избиение за пять верст от берега. На поле боя остались тела сына крымского хана, «сыновей паши» — огланов, множества турецких офицеров и крымских мурз, всего около 20 тысяч трупов¹⁶. Россияне потеряли 2460 человек убитыми и до 5 тысяч ранеными.

В ночь на 29 августа Ромодановский еще не завершил переправу, Ибрагим-паши уже бежал в сторону Буга, бросив артиллерию и обоз. Армия простояла под Чигирином до 10 сентября, занимаясь починкой разрушенных укреплений, и отправилась на зимние квартиры. По просьбе Самойловича комендантом в Чигирин был послан окольный Иван Иванович Ржевский. Нужно было расширить и перепланировать замок, что и было выполнено к 1 июня, когда Ржевский отослал царю Федору Алексеевичу новый план и описание крепости¹⁷.

Кампания 1678 г. началась так, словно прошлогодняя война была генеральной репетицией. Отборную 80-тыс. армию провожал в поход сам султан. Командование принял настоявший на решительном ударе по России новый великий визирь. На пути к нему присоединилось 5 тыс. молдаван и валахов во главе с господарями, 4 тыс. казаков Юрия Хмельницкого и около 30 тыс. татар хана Мурат-Гирея. Помимо 25 осадных пушек и 12 мортир турки везли 80 полевых орудий, пригодных в оборонительном сражении.

Гарнизон Чигирин из стрельцов, солдат и казаков насчитывал 13 600 человек при 82 пушках и 4-х мортирах. Весной переправился через Днепр и укрепился в трех верстах от крепости 10-тыс. корпус генерал-майора Косагова. Знаменитый воин послал в Чигирин всего 2,5 тыс. чел., удерживая с остальными переправы через Днепр и Тясмин. 50-тысячная армия Ромодановского в середине июня соединилась с 30 тысячами казаков Самойловича, а также донцами под командой славных атаманов Михаила Самарина и Фрола Минаева.

26 июня главные силы россиян стояли на Днепре. Ромодановский и Самойлович имели возможность предупредить турок под Чигирином и навязать Кара-Мустафе наиболее выгодное для них встречное сражение, тем более что они располагали достаточной информацией о неприятеле. Однако военачальники вели себя столь загадочно, что историки до сих пор тщетно искали разумное объяснение их маневрам. Вместо того чтобы переправиться через Днепр на заранее выбранном и охраняемом Косаговым месте, воевода и гетман предприняли боковое движение, форсировали Сулу и только 6 июля вышли к Днепру у Бужинского перевоза.

Турки подступили к Чигирину 8 июля, не зная о близости российской армии. Как бы для их удобства Косагов 9 числа получил приказ всеми силами сопроводить в крепость 2200 человек подкрепления. Он должен был оставить укрепленный лагерь и брод через Тясмин, немед-

ленно занятый 10-тыс. отрядом татар. Со скрежетом зубным Косагов выполнил приказ, оставил татар в покое, отступил к главной армии и буквально растворился: с этого времени участие одного из лучших русских полководцев в кампании не прослеживается.

Ромодановский и Самойлович полностью переправились, когда татары наткнулись на 10-тыс. корпус думного генерала Венедикта Андреевича Змеева. Неприятель в панике бежал, но Ромодановский и не подумал вновь занять переправу через Тясьмин. Кара-Мустафа, напротив, уяснил обстановку: 12 июля он бросил в атаку 20-тыс. турок и крымскую орду. Змеев был опрокинут, но оправился и контратаковал, когда неприятель был остановлен огнем Пушкарского полка стольника Семёна Федоровича Грибоедова. Противник неудачно атаковал и 15 июля, но Ромодановский стоял как вкопанный, не делая попыток к наступлению или даже преследованию.

Это объясняют тем, что воевода имел четкий царский указ не начинать активных действий до прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского, отправленного вербовать калмык и прочих степных всадников по просьбе Самойловича к Федору Алексеевичу. Но сам государев указ действительно нуждается в объяснении: какое значение имела орда степняков в боевых действиях, где даже регулярная конница русских и турок в основном оставалась в резервах? 28 июля Черкасский привел к более чем 80-тыс. русско-казацкой армии от 2 до 4 тыс. «бедных, голодных и оборванных наездников». 31 июля Ромодановский начал наступление к Чигирину.

Оборона города шла уже три недели. Защитники знали, что на них смотрит вся страна, весь христианский и мусульманский мир. При осаде и обороне города были продемонстрированы все достижения фортификационной, минной и артиллерийской науки. Турки обрушивали на город около 1000 ядер и бомб в сутки, сопровождали атаку огнем через головы наступающих и, не отводя войск, сносили пушками и мортирами вторые линии укреплений. Они применили собственные ручные гранаты, создали штурмовые отряды. Осажденные несли потери, но отражали все штурмы.

Согласно французским источникам, Кара-Мустафа-паша отчаялся взять крепость. Только решение военного совета, на котором незначительное большинство поддержало дефтердаря Ахмет-пашу, вынудило визиря продолжать осаду. Военный совет постановил навести через Тясьмин мосты и занять на том берегу господствующие высоты свежими янычарскими корпусами Каплан-паши и Кер-Гасан-паши численностью в 10 тыс. с 50 пушками и отрядами татар.

Ромодановский вновь опоздал. Его передовые отряды пробились 31 июля к Кувечинскому перевозу через Тясьмин, но были остановлены янычарским огнем с Чигиринских гор. К 1 августа, когда русские начали решительное сражение, янычары хорошо окопались на Стрелковой горе, по которой круто поднимался с приднепровской равнины Кувечинский взвоз. Ночная атака русских 1 августа не удалась. По условиям местности, наступавшие не могли применять артиллерию.

Наутро вперед двинулись дивизии генерал-поручика Шепелева и генерал-майора Кровкова (6 тыс. выборных солдат) с резервом из 10-тыс. корпуса Змеева. Под огнем неприятеля солдаты карабкались на гору. Несколько атак было отбито, Шепелев и Кровков вышли перед строем и сами повели солдат. Ретраншементы и батареи янычар были взяты, русские ворвались в укрепленный лагерь. Шепелев шпагой срубил бунчук, но получил тяжкую рану. Каплан-паша фланговой атакой отрезал ворвавшихся на гору. Рейтары, драгуны и городские солдаты Змеева не смогли оказать им поддержки. Дело спасли 9 стрелецких полков (6 тыс. человек) центра армии. Они ворвались на гору, когда построившиеся в каре солдаты уже отбивались прикладами. За стрельцами явился корпус Змеева, затем 15-тыс. отряд центрального резерва. Конница преследовала врага до горящих мостов через Тясьмин, даже в главный турецкий лагерь ворвались казаки.

Победа на Стрелковой горе показала качественное превосходство русской регулярной пехоты, однако положение Чигирина не изменилось. С 31 июля, чигиринцы ожидали русско-украинскую армию, не обращая особого внимания на взрывы турецких подкопов и бомбардировку. 3 августа канонада за горами подсказала, что помощь близка. К вечеру комендант Чигирина Ржевский вышел на башню, увидел русские знамена на Стрелковой горе и был сражен турецким ядром. Избранный офицерским советом в коменданты Гордон напрасно требовал продолжить наступление. Ромодановский и Самойлович в трех верстах от Чигирина наблюдали, как турки с отчаянной энергией штурмуют город. Только отряд Косагова (его называют полковником; и в самом деле, где был его корпус?) сразился с турками на Тясьминском острове, да генерал Вульф устроил на другом острове батарею.

Предположение, что Ромодановский «не рискнул» переправляться через Тясьмин перед лицом сильной армии Кара-Мустафы, противоречит всему опыту полководца, который начал карьеру, атаковав превосходящие силы поляков вплавь через озеро (1655). Тясьмин — не Днепр, к тому же один из мостов вел прямо в Чигирин: готовый плацдарм для вспомогательного удара. С Ромодановским должно было произойти нечто очень серьезное, чтобы воевода ограничился сменой значительной части гарнизона Чигирина и мелкими, притом безуспешными операциями против турок на протяжении целой недели. А оцепенение произошло с десятками видных русских воевод и генералов, отважных полковников и казачьих атаманов...

Русско-украинское командование не пошло даже на то, чтобы отвлекающими ударами помочь чигиринцам отвоевать потерянные валы и бастионы. Кольцо осады было сжато до предела. Ромодановский знал о готовящемся генеральном штурме и писал об этом коменданту; Гордон отвечал, что не боится и отстоит город, но сие от него не зависело. 11 августа страшные взрывы потрясли Чигирин и турки ринулись в проломы. Казаки (украинские летописцы пишут, что по случаю воскресенья

они были в стельку пьяны) бросились в беспорядочное бегство, мост под их тяжестью обрушился, и масса людей погибла.

Русские держались стойко; стоявшие в нижнем городе эскадроны полковника фон Вестгофа полегли почти целиком. Отразив штурм замка, Гордон с четырьмя наполовину русскими, наполовину украинскими постоянными полками (Курским, Озерским, Сумским и Ахтырским) отбил ворота нижнего города, возвел новые укрепления и обеспечил связь замка с переправой. Он посылал гонца за гонцом, прося у Ромодановского всего 5 или 6 тыс., чтобы отбить весь нижний город, но не получил подмоги. Командование решило оставить крепость самым странным образом, без письменного приказа: посланному велено было лишь объявить об этом у ворот, не въезжая в замок!

В результате первыми стали отступать к лагерю Ромодановского войска, охранявшие ворота, на которые немедля напали турки. Затем по одному ринулись прочь полковники с воинами, которых сумели собрать. Гордон получил письменный приказ, без которого отказывался двигаться с места, в третьем часу ночи, через посыльного полковника московских стрельцов Александра Карандеева (как увидим, человека не случайного). Подготовив к уничтожению тяжелое вооружение и запасы, шотландец одним из последних с пистолетом и шпагой прорвался к переправе.

Те из защитников Чигирина, кто не смог пробиться, вернулись на бастионы. Когда замок был занят турками, они взорвали пороховые погреба, захватив с собой более 4 тыс. неприятелей. Бездарная эвакуация Чигирина стоила жизни полковникам Корнелию фон Бокховену и Прохору Протасову, трем капитанам, четырем лейтенантам и до 600 стрельцов и драгун. За все время кровавых боев русский гарнизон потерял убитыми 1300 чел., т. е. почти половина полегла в один день. «Так был защищаем и потерян Чигирин, — записал шотландец в своем дневнике, — он был оставлен, но не покорен»¹⁸.

После падения города Ромодановский немедля организовал отступление к Днепру. Войска шли в отличном порядке, огражденные обозами, с лучшей пехотой в арьергарде; кавалерия была спешена. Атаки турок и татар не могли задержать движения россиян. Кара-Мустафа сосредоточил против их фронта достаточно сил лишь после того, как они заняли старый укрепленный лагерь на берегу Днепра. С 14 августа между армиями происходили огневые и рукопашные бои, причем солдаты и стрельцы временами атаковали неприятеля, не слушая приказов. Только распоряжение об общем наступлении 17 августа дисциплинировало армию. Устрашенные яростной атакой турки и татары бежали к Чигирину, россияне, подобрав трофеи, переправились через Днепр. Возвращение было траурным.

Турки, срыв остатки Чигирина, торжествовали победу. Московское правительство старалось приукрасить итоги кампании; наши потери убитыми и пропавшими без вести определялись всего в 3290 человек и ранеными в 5430 человек, тогда как турецкие — в 30—60 тысяч¹⁹. Слухи об измене полководцев ширились с каждым шагом отступающих войск. Кошевой Иван Серко резал прямо в глаза Самойловичу: «Не только мы,

низовое войско Запорожское, но и весь свет великороссийский и малороссийский ясно видит неспособность вашу и князя Ромодановского и нежелание оказать помощь» Правобережью из-за застарелой злобы к Заднепровью. «Пропал Чигирин и вся тогочная Украина, — писал Самуил Величко, — от неспособности и коварства Ромодановского и, без сомнения, неприязни к ним Самойловича». Ходил слух, что Ромодановский вступил в переговоры с крымским ханом, у которого томился в плену его сын Андрей, и хан обещал содрать с того кожу, если Чигирин не будет сдан. В Москве говорили, что в одном Чигирине погибло до 30 тысяч россиян, а в армии еще больше умерло от болезней. «Обвинения против князя Ромодановского так велики, — доносил нидерландский резидент в Москве Иоганн Вильгельм фан Келлер, — что если они подтвердятся, то он рискует потерять не только место, но и жизнь. Ни он, ни сын его не являлись еще в Москву; впрочем, ему и опасно показаться сюда, чтобы народ не взволновался; так сильно против него негодование»²⁰.

Обвинения звучали тем более остро, что Ромодановский был истинным благодетелем и защитником Украины, сражаясь за нее от самой Переяславской рады; с 1657 г. он бессменно командовал Белгородским полком (затем разрядом-округом) — главной русской армией на юго-западе. Еще недавно украинцы славили его бесчисленные победы над поляками, татарами, гетманами-изменниками и турками, молили царя не лишать их руководства честного и бескорыстного воеводы. В Москве два десятилетия считали его незаменимым и с трудом давали самый малый отпуск. Григорий Григорьевич и его сын Михаил имели документ для оправдания, но предпочли молчать.

Как человек чести, Ромодановский не мог указать на главных виновников падения Чигирина: царя Федора Алексеевича и его ближних советников (начиная с Голицына). Князь предпочел подать в отставку; отводом армии на зимние квартиры командовал уже В.В.Голицын²¹. 15 мая 1682 г. Григорий Григорьевич был разорван на части, защищая царский дворец от восставших стрельцов и солдат; сын его князь Михаил чудом спасся от позорной смерти (и позже был обвинен Петром I в сговоре со стрельцами). Оба тщетно надеялись, что история восстановит их доброе имя: хотя важнейшие документы были хорошо известны, историки не озаботились изучением мотивов стратегических решений. До сих пор падение Чигирина изображается в лучшем случае как победа турок «в тяжелых боях»²². Уход от вопроса о чести Ромодановского ведет к неверной оценке силы российской армии, уровня ее командования и, как это ни парадоксально, способностей политиков — истинных виновников разрушения Чигирина.

* * *

Оценивая убыточность predetermined кампанией 1678 г. Бахчисарайского мира (1681), историки рассуждали с точки зрения предполагаемых возможностей, упущенных московским правительством в результате решения об оставлении Чигирина. Но следует учесть, что само взя-

тие Чигиринна благодаря энергичным военно-дипломатическим действиям В.В.Голицына было вынужденной мерой в условиях измены союзника, а жестокие сражения за него стали скорее результатом взаимных опасений и делом престижа, чем реализацией стратегических планов схватившихся держав.

Выбив из войны Польшу, турки до лета 1677 г. не ожидали, что русские в невыгодных политических условиях вступят с ними в битву за Правобережье²³. Сомнения мучили и царя Федора. Принимая 23 сентября 1677 г. посланца от Самойловича с докладом о победе над Ибрагим-пашой, государь уже сделал распоряжения, направленные на свертывание войны. Прежде всего, он распорядился отозвать русские войска из-под Азова, где они успешно действовали при поддержке флота²⁴. Боярская дума обсудила вопрос о разрушении Чигиринна; для консультаций по этой проблеме на Украине был назначен стольник Василий Михайлович Тяпкин, бывший резидент в Варшаве, именно 23 сентября получивший верительные грамоты и наказ²⁵.

Выбор Тяпкина, лучше всех знавшего положение в Польше, был не случаен: истек срок Андрусовского перемирия 1667 г., по которому Россия обязалась вернуть Речи Посполитой Киев и ряд других городов. Поскольку отдавать Киев Федор Алексеевич не собирался, неизбежным было дипломатическое столкновение, осложненное мнением панов, что заняв Чигирин, царь «отобрал у нас всю Украину!» По польской логике, уступка Украины туркам ничего не значила в отношениях с Москвой, зато Журавинский мир с Портой и Крымом позволял Речи Посполитой воевать с бывшим союзником за Киев, Смоленск, Невель, Себеж и др. города. Хотя среди шляхты не было единодушия, значительная часть ее мечтала взять реванш над Россией за поражение в прошлой войне. Если бы удалось отстоять Чигирин от турок, за него, вполне вероятно, пришлось бы сразиться с поляками...

Ромодановский не принимал этих сомнений и отвечал Тяпкину четко: «Разорить и не держать Чигирин отнюдь невозможно, и зело бесславно, и от неприятеля страшно и убыточно. Не только (Правобережной) Украине, но и самому Киеву зело будет тяжко». Самойлович заявил резче: «Прежде, нежели разрушать Чигиринские укрепления или позволять неприятелю завладеть ими, пусть объявят всей Украине, что она великому государю его царскому величеству ни на что не потребна, для того и Чигирин разорен!» Не ограничиваясь протоколом переговоров с Тяпкиным, Ромодановский и Самойлович с военачальниками направили государю доклад о военно-стратегическом значении Чигиринна для Украины и России (поскольку от него до Путивля не более тридцати миль), о его ценности как крепости, возле которой сосредоточены все окрестные лесные запасы, и, главное, как политического центра, на который ориентируется Правобережье.

Ответы не убедили Боярскую думу, и на Украину был отправлен знакомый нам стольник и полковник Александр Федорович Карандеев с сомнениями по поводу удобства расположения Чигиринна и предложени-

ем построить вместо него новую крепость на Днепре (на которую, по меньшей мере, не претендовали бы поляки). Съехавшись в Рыльск на совещание, Ромодановский и Самойлович составили новый доклад о необходимости удержания именно Чигиринна, а вскоре воевода получил указ Федора Алексеевича лично прибыть в Москву. Протоколов заседаний Думы не велось, но, судя по донесениям нидерландского резидента Келлера, доверенного лица русского правительства²⁶, вопрос стоял ребром: главнокомандующим чуть было не назначили В.В.Голицына, что означало бы сдачу Чигиринна, но победили сторонники Ромодановского, взявшего защиту крепости на свою ответственность²⁷. Федор Алексеевич щедро наградил военачальников; Ромодановскому при грамоте с перечислением его военных подвигов было пожаловано село Ромодановское в Калужском уезде — давно утраченное этой княжеской фамилией родовое гнездо²⁸. Это не говорит о том, что Ромодановского заранее предназначили в жертву.

Власти, начиная с Федора Алексеевича, пребывали в сомнениях, тем более что король Ян Собеский, не имевший в Раде решительного перевеса для разрыва с Россией, оттягивал переговоры с Москвой, ожидая развития военных событий. Желая определиться, государь в ноябре 1677 г. послал в Варшаву опытных дипломатов — окольного Ивана Ивановича Чаадаева и дьяка Емельяна Ивановича Украинцева — с сообщением, что Россия не уступит Киева, но король отправил их восвояси с ответом, что все вопросы будут решать великие послы Речи Посполитой (которые под разными предложениями задерживались)²⁹.

Дело осложняли украинцы, возмущавшиеся перед Карандеевым и в отписках в Москву самой мыслью о возможности переговоров с поляками о Киеве или Чигирине³⁰. Еще один важный участник политической игры, крымские власти, всегда с опасением относившиеся к военным акциям турок в Северном Причерноморье, только оправлялись от потрясения, связанного с переменой их верхушки разгневанным неудачей похода 1677 г. султаном Мехмедом IV. В Крыму были поставлены новый хан, нурадин-султан и калга (командующие правым и левым крыльями орды). Понятно, что прибывшие в Москву посланники хана говорили о мире только при условии уступки Чигиринна и всей Правобережной Украины туркам.

Федору Алексеевичу были известны претензии Турции на господство над мусульманским миром, в частности мечты Стамбула об обладании Кавказом, Астраханью и даже Казанью. Царя страшила огромная мощь Османской империи, способной, при сосредоточении усилий на одном театре военных действий, привести Российское государство к полному истощению. В то же время Франция, в целом одобрявшая войну турок с Россией, подталкивала султана перенести основные усилия на запад, где заманчиво маячила восставшая против Габсбургов Венгрия. Это давало надежду, что турки предпочтут отложить трудную и не слишком выгодную войну с Россией ради отсечения лакомого куса от Священной Римской империи германской нации. В конце 1677 г. в Думе победило мнение, что, получив отпор на Украине, турки пойдут на мир с Россией, чтобы освободить руки для войны на западе. Была объ-

явлена мобилизация, начата перестройка Чигирина и комендантом его назначен непреклонный Ржевский. Одновременно в Константинополь был отправлен уже бывавший там опытный дипломат стольник Афанасий Поросукон с письмом Федора Алексеевича к Мехмеду IV.

Государь в изысканных выражениях предлагал султану помириться на завоеванном, то есть оставив Чигирин за Россией. Турки приняли Поросукон любезно, но не дали аудиенции у султана, который, после многих сомнений, посчитал делом чести отвоевать Чигирин, причем доброжелатели России, и прежде всего патриарх Константинопольский, предупреждали, что успех похода настоявшего на решительных действиях великого визиря Кара-Мустафы будет означать величайшую опасность для Российского государства. Тем не менее Поросукон был отпущен с заявлением, что Порта заключит мир в обмен на Правобережную Украину, если российские послы встретят Кара-Мустафу в десяти переходах от Дуная. Турецкая армия уже выступила, и Поросукон спешно послал отчет из Валахии³¹. 12 апреля 1678 г. Федор Алексеевич по совету с патриархом Иоакимом и боярами указал послать Ромодановскому «тайные вести» от Поросукон, повелел командующему выступать в поход и... начать переговоры с Кара-Мустафой на рубеже Буга.

Указ с инструкцией, как надлежит говорить с турками о древней «исконной братской дружбе и любви» между царями и султанами, отражал колебания московского правительства, уверявшего, что «его царскому величеству подлинно известно, как он, Мустафа, будучи у султана величества первым пашой, всегда султаново величество наговаривал ко всякому добру и к поддержанию исконной дружбы с великим государем». Важно было, что переговоры поручались только русскому командованию: известить или не известить о них гетмана Самойловича было делом Ромодановского (пункт 14). Командующий должен был оправдываться за шедшие с 1673 г. военные действия, при этом заявляя, что Чигирин и вся Украина, «которая зовется Малой Россией», с древности принадлежала предкам Федора Алексеевича и лишь «на некоторое время от подданства... отлучилась», «а у турецких султанов никогда Малая Россия в подданстве не бывала». Если турки не откажутся от притязаний, «кроворазлитие» падет на их головы³².

Наказ остался бы только в летописи дипломатических казусов, если бы 11 июля, когда армия Ромодановского переправлялась через Днепр и уже вступила в бой, Федор Алексеевич не послал командующему собственный, именной указ, как бы в дополнение прежнего наказа, но без совета с патриархом и боярами. Поразительно, что документ, опубликованный в Собрании государственных грамот и договоров (Ч. IV. № 112. С. 365-366) и Полном собрании законов Российской империи (Т. 2. № 729. С. 166-168), так и не привлек должного внимания историков, временами цитирующих его, как бы не видя содержания. Между тем, главную мысль царь выразил определенно: «Буде никакими мерами до покоя приступить, кроме Чигирина, визирь не похочет, и вам бы [Г.Г.Ромодановскому с его сыном и заместителем князем Михаилом. — А.Б.] хотя то учинить, чтоб тот Чиги-

рин, для учинения во обеих сторонах вечного мира, свести, и впредь на том месте... городов не строить». О военных действиях Федор Алексеевич вообще не говорит — благо Ромодановскому было дано время для переговоров с Кара-Мустафой под предлогом ожидания войск Черкасского. Другое дело, что разрушение Чигирина было крайней уступкой. Добиваясь мира, Ромодановский путем переговоров должен был стараться, чтобы русско-турецкое соглашение «малороссийским жителям не ко утеснению было» и чтобы новая граница не привела к столкновению с Речью Посполитой. Требуя от командующего «почасту» извещать Посольский приказ о ходе переговоров, Федор Алексеевич, казалось, хотел от Ромодановского невозможного, например, советоваться о разрушении Чигирина с Самойловичем и «того смотреть и остерегаться накрепко, чтоб то Чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям»!

«А сее бы нашу великаго государя грамоту держали у себя тайно, — писал в конце Федор Алексеевич, — и никто б о сем нашем великаго государя указе, кроме вас, не ведал». Это было тем легче сделать, что Посольский приказ, через который шла переписка, почти все царствование Федора Алексеевича был лишен боярина-судьи и ведался дьяками. Конечно, приказ был подотчетен Боярской думе, и она должна была в итоге получить доклад о секретных мероприятиях. Но, учитывая, что думные люди и ранее испытывали колебания в вопросе о продолжении войны, инициатива государя *post factum* не должна была встретить серьезного сопротивления. По крайней мере, никто не заступился за бедного Ромодановского. Не утаить шила в мешке было и в армии: даже до Гордона дошел слух, что воевода получил в десятых числах июля царское предписание вывести чигиринский гарнизон и взорвать крепость, если нельзя будет удержать ее³³.

Это было не совсем то, о чем писалось в секретном указе, но именно так указ Федора Алексеевича был реализован: русское командование предприняло все, чтобы турки сами взяли Чигирин, и чтобы у казаков было меньше поводов для возмущения (именно они первыми бежали из крепости!). Кто-то может сказать, что это была грубая работа, как будто от Ромодановского, в его состоянии, можно было требовать утонченности — если он вообще не впал в апатию, предоставив действовать Голицыну и таким деятелям, как полковник Карандеев. Я же прошу обратить внимание на то, что князья Ромодановские выполнили свой долг перед государем до конца. Никто из современников не заподозрил в чигиринской трагедии замысла московского правительства: даже поляки, даже Юрий Хмельницкий, для которых такие сведения или хотя бы намеки были бы на вес золота!

Но, может быть, замысла и не было? Ведь, как заметил недавно мой коллега, «до переговоров в 1678 г. дело не дошло... Османские войска уже стояли под Чигирином и в этих условиях русский главнокомандующий не счел возможным вступать в сношения с великим везиром»³⁴. Автор не учел, что специально произведенный в думные дьяки (и после

выполнения миссии возглавивший Поместный приказ) Иван Савинович Горохов³⁵ привез своему старому знакомцу Ромодановскому не просто «новые инструкции» из Москвы, а личный и притом тайный указ государя. В отличие от историков, полководец отлично знал твердый характер Федора Алексеевича и взвешенность его решений³⁶. В эпоху сильнодействующих разведок, ухитрившихся добывать самые секретные документы³⁷, указ царя и так был слишком откровенен. Государь шел на риск, понимая, что на слово Ромодановский может не поверить Горохову или сделать вид, что не верит (как Гордон отказался верить устным распоряжениям командующего).

Последствия падения Чигирина и так были велики. Не говоря о невинно убиенных Ржевском с товарищами, царь Федор грустил о г. Каневе, взятом турками и татарами под командованием Ю.Хмельницкого, о перешедших на сторону неприятеля землях Правобережья. Гетманский сын Семен Самойлович вновь привел к покорности Канев, Корсунь, Черкасы и др., но по приказу отца выжег города и местечки на западной стороне Днепра, «чтоб впредь неприятельским людям пристанища не было»³⁸. Не лучше обстояли дела на востоке, где падение Чигирина было воспринято как признак слабости царя: волна восстаний покатила от Волги до Амура. Повстанцы «говорили, что твой, великого государя, город Чигирин турецкие и крымские люди взяли и твоих государевых людей побиили, а они дескать потому и будут воевать, что у них одна родня и душа: турецкие и крымские там станут биться, а они... станут здесь биться и воевать»³⁹.

Чего же добился царь Федор, с таким трудом и издержками сровняв с землей Чигирин? Правда, он надеялся на лучший исход тайных переговоров, которыми можно объяснить отвергнутое турецким военным советом предложение Кара-Мустафы отступить от крепости. Но в реальной ситуации ближайшая выгода была получена в ходе переговоров с послами Речи Посполитой в Москве, закончившихся еще до падения Чигирина (в основном договорились к 18 июля, текстами разменялись 3 августа). Поляки предлагали заключить не вечный мир (как хотел Федор Алексеевич), а перемирие, при условии передачи на их сторону Киева, Смоленска, Невеля, Себежа и Велижа. В ходе дебатов удалось ограничить аппетиты поляков Невелем, Велижем и полумиллионом золотых (100 тыс. руб.). Себеж и еще 100 тыс. руб. Федор Алексеевич обещал передать после ратификации договора королем⁴⁰.

Уступчивость поляков в немалой мере объяснялась тем, что вопрос о Чигирине выпал из договора. Послы Речи Посполитой, требовавшие, чтобы он был отложен «до комиссии», были уверены, что таким образом будут иметь повод расторгнуть договор, удержав полученное. Они избегали и разговора о союзе против турок: даже вопрос о «не заключении договоров одному государю без другого с султаном турецким и ханом крымским» был отложен «до комиссии будущей с посредниками». Поляки столь уповали на истощение России в войне с турками, что князь Чарторыйский сгоряча предложил, чтобы Чигирин и Правобережная

Украина оставались за царем все перемирие (до июня 1693 г.). Фактическое исчезновение вопроса о Чигирине из русско-польских и русско-турецких отношений стало для Яна Собеского и панов Рады неприятнейшей неожиданностью.

Сняты были и многие противоречия государя с оппозицией при московском дворе, в которой особенно заметен был патриарх Иоаким, ради мира требовавший идти на любые уступки соседям и до крайности опасавшийся «агарян»⁴¹. После распространения вестей о падении Чигирина правительство как бы подыгрывало Иоакиму, объявившему Отечество в опасности. Разрядная записная книга о «полковых делах» (с ноября 1678 по сентябрь 1679 гг.) наполнена указами Федора Алексеевича о выступлении «против турецкого султана с войсками и крымского хана с ордами» нескольких армий под общим командованием князя Михаила Алегукевича Черкасского и князя Михаила Юрьевича Долгорукова. Распоряжения царя отличаются особой суровостью, обещая нарушителям дисциплины «быть в жестоком наказании, и в разорении, и в ссылке без всякого милосердия и пощады». Раненых и убитых заменяли детьми и родственниками, дезертиров вешали, чтоб другим бегать из полков «было неповадно»⁴².

Летом 1679 г. против ожидаемого нашествия на рубежах было сосредоточено 89 тыс. человек при 400 орудиях, не считая полков на засечных чертах и «в полевых городах за чертою»⁴³. Оградив страну от опасности, царь осуществил военно-окружную реформу, ликвидировав дворянское ополчение и окрестьянившихся драгун, введя обязательную службу в регулярных полках и доведя их численность (без Сибири) до 135 тыс. (43908 рейтар, 76158 солдат и стрельцов, 14865 казаков). Летом 1680 г. новый главнокомандующий В.В.Голицын вывел на рубежи почти 130 тыс. русских ратников, которых поддерживали 50 тыс. казаков Самойловича⁴⁴. В грамотах о мобилизации не шла речь о мирных переговорах: они еще вешали, «что турецкой султан собирает великие свои войска и непременно хочет по весне приходить под Киев», а крымский хан уже выступил в поход⁴⁵. Войска выводились в поле не напрасно: помимо удобства проведения военной реформы, по лично поддержанному царем плану генерала Косагова силами армии от Дикого поля было отрезано 30 тыс. км² плодородной земли мощными укреплениями Изюмской черты (1679–1681).

По прошествии столетий очевидно, что правительство Федора Алексеевича преувеличивало опасность нового турецкого нашествия. Поражения отборной янычарской пехоты и конницы сипахив в битвах с русскими регулярными частями в 1677–1678 гг. произвели в Османской империи столь удручающее впечатление, что Кара-Мустафа и сам султан почли за лучшее не посылать их «на погибель», тем паче, что престижный вопрос о Чигирине был снят. В результате сложных переговоров⁴⁶ с Турцией был заключен Бахчисарайский мир (1681), согласно которому Россия на 20 лет без потерь выходила из войны, отказавшись помогать неверным христианским союзникам так же, как султан и

Крымский хан презрели интересы вопивших о помощи «скифов», вроде тайши Аюки, чьи азиатские владения по умолчанию оставались в сфере геополитических интересов России. Мир позволял России делать приобретения в Диком поле по левую сторону от Днепра, все более угрожая Крымскому ханству, а на правом берегу закреплял за царем Киев, огражденный от польских притязаний соглашением о нейтрализации остального Правобережья.

Османская империя была не удовлетворена условиями договора. При ратификации турки постарались изменить его редакцию, добиваясь снятия ограничений на строительство крепостей в низовьях Днепра⁴⁷. Фактические нарушения договора с их стороны ясно показывали компромиссный характер мира, необходимого лишь для высвобождения сил, брошенных вскоре на Империю и Польшу. Расчет Москвы, опиравшийся на представление о принципиальной агрессивности Османского государства, в которую не желали верить западноевропейские политики, оказался справедливым. Уже в июле 1683 г. 200 тыс. армия Кара-Мустафы устремилась к Вене, и только помощь со стороны Яна Собеского спасла столицу Империи от разгрома. На Средиземном море Венеция вынуждена была сражаться за свои сокращающиеся владения. Турки заставили западные государства объединяться перед лицом опасности и образовать Священную лигу на условиях, которые ранее предлагали московские дипломаты. Союз Империи, Речи Посполитой и Венеции под эгидой папы Иннокентия XI (1684) был основан на отказе от сепаратных договоров с Портой и требовал расширения Лиги, — прежде всего, привлечения в нее России.

Роли диаметрально переменились. Теперь западные государства, связанные тяжелой и кровопролитной войной с Турцией и Крымом, вынуждены были на дипломатических переговорах и в публицистике взывать к христианской солидарности перед лицом агрессии. Россия могла быть уверена, что рано или поздно члены Священной лиги примут ее требования, начиная с отказа Польши от территориальных претензий к будущему союзнику. Подписанный 21 апреля 1686 г. договор о Вечном мире с Польшей являлся крупной победой российской дипломатии⁴⁸. Речь Посполитая навечно отказывалась от территорий, на время оставленных за Россией по Андрусовскому перемирию, обязалась прекратить преследование православия и оставляла управление православной иерархией на своих землях Киевскому митрополиту.

Заключение Вечного мира и вступление России в Священную лигу праздновалось в России и на Украине, было с восторгом встречено многими в Польше и Литве, вызвало ликование в Империи и Венеции. Особенно радостно восприняли весть на покоренных турками христианских землях⁴⁹. В Стамбуле султан «зело со всем бусурманством задрожал»; в 1687 г., когда В.В.Голицын в чине канцлера и генералиссимуса двинул полки обновленной армии на юг, янычары завопили, что «русские идут на Стамбул!» и учинили бунт, а фанатики стали бросаться с минаретов, чтобы не попасть в руки «гяуров»⁵⁰.

Менее живописны, чем военно-политические, но более полезны практически были экономические результаты решения оставить Чигирин. Уже к 1681 г. были отменены разорительные откупа и экстренные налоги. По просьбе «посадских и уездных людей» царь простил недоимки за многие годы и даже обратился к налогоплательщикам с вопросом: «Нынешний платеж... платить им в мочь, или не в мочь, и для чего не в мочь?» Выслушав ответы призванных на Земский собор, государь простил вообще все недоимки, снизил сумму обложения и распределил ее в соответствии с экономическим развитием регионов: богатые платили больше, бедные — меньше. Каждому уезду объяснялось, как именно (в рублях) государь радеет о подданных, коих защищенность, богатство и процветание есть основа мощи и славы государства. Огромный рост казенной прибыли от косвенных налогов показывал царю, что он на верном пути. Оставалось соборно решить вопрос о справедливом уровне и распределении казенных повинностей, «чтоб всем по его государскому милостивому рассмотрению служить и всякие подати платить в равенстве и не в тягость».

Увы, эти и другие полезные реформы государя пришли в непримиримое противоречие с представлениями о «государственной пользе» в его окружении. Москвичи, взявшиеся с оружием в руках за «изменников-бояр и думных людей» после смерти Федора 27 апреля 1682 г., были убеждены, что царь-реформатор отравлен. Действительно, заговор с целью захвата власти путем возведения на трон малолетнего Петра был составлен до смерти Федора и 27 апреля произошел дворцовый переворот⁵¹. Но далеко не все его участники были брошены на копья и изрублены бердышами, как непричастный к дворцовым интригам Ромодановский. Пришедшая в конце концов к власти сестра Федора Софья, возглавивший Посольский приказ и армию В.В.Голицын не смогли или не захотели продолжить преобразования, за исключением военных. За их успех канцлер Голицын поплатился: летом 1689 г., в условиях тайных переговоров всех союзников с врагом, он не смог ввести рвущиеся в бой могучие полки в Крым. В отличие от Ромодановского, застывшего на Чигиринских высотах по указу царя Федора, генералиссимус сам превратил себя в «изменника», остановив армию у Перекопа, и через несколько недель отправился в ссылку.

¹ Великая, страшная и опустошительная война России и Украины против Турции и Крыма не оценена историками, до сих пор твердящими о «войне 1677—1678 гг.», реже о «войне 1676—1681 гг.», как будто ее начал царь Федор Алексеевич (1676—1682), и не замечающими попыток воронежского ученого рассказать правду о «русско-турецкой войне 1673—1681 гг.» (см.: Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; он же. Изюмская черта. Воронеж, 1980). Особого рода заблуждением выглядят слова о «польско-турецкой войне» и даже об «участии России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672—1676 гг.». См.: Фаизов С.Ф. Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667—1677 гг. (от Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны). Автореф. канд. дисс. Саратов, 1986. С. 5 и др. Дело тут не в уподоблении Российского государства Крыму, вассалу турецкого султана,

- а в непонимании ситуации, в которой оказалась Россия в результате крушения курса канцлера А.С.Матвеева.
- 2 Сформулированная в речи царевича Алексея Алексеевича в конце 1667 г. (после Андрусовского перемирия), эта идея была реализована в русско-польском союзном договоре весной 1672 г., накануне вторжения неприятеля в Речь Посполитую. — Полное собрание законов Российской империи. Серия I (ПСЗ-I). Т. II. СПб., 1830. № 513. Мошь мусульманского нашествия, казалось Алексею Михайловичу и его фавориту А.С.Матвееву, должна была заставить христианскую Европу на время забыть распри. В октябре 1672 г., после взятия турками Каменца-Подольского, Россия объявила войну общему врагу Креста Христова. Ее дипломаты отправились в Священную Римскую империю германской нации, Англию, Францию, Испанию, Швецию, Голландию, Курляндию, Бранденбург, Саксонию, Венецию, Рим и традиционно неприятельский Турция Иран с предложениями о совместной борьбе против агрессора. См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. I. М., 1894. С. 24-25, 120-121, 163, 188, 231; Ч. 2. М., 1896. С. 18, 208, 237; Ч. 3. М., 1897. С. 9-10, 145; Ч. 4. М., 1902. С. 12-14, 82, 191, 258; Акты Южной и Западной России (АЮЗР). Т. XI. СПб., 1879. С. 104.
  - 3 Его история изучена В.П.Загоровским. См. также: *Богданов А.П.* Пираты и рейдеры: Проложные страницы российского флота // Арабески истории. Альманах. Вып. 8. Россия морей. М., 1997. С.513-521.
  - 4 *Максимов Н.Н.* Проект русского наступления на Крым в году польско-турецкой войны (1677-1676) // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1933. С. 77-89. Ср.: *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672-1676 гг. (обзор боевых действий) // Там же. С. 98-115.
  - 5 Подробно см.: *Wojcik Z.* Jan Sobieski. 1626-1696. W., 1983.
  - 6 *Костомаров Н.И.* Руина. Гетманства Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича // Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. XV. СПб., 1905. С. 490-495 и др.; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 449-498 и др.
  - 7 Даже на этот договор Вена пошла, напуганная слухами о намерении Польши прекратить войну с турками и татарами и напасть на Австрию, тогда как русская дипломатия знала о сепаратных переговорах Яна Собеского с Турцией и Крымом, направленных против России.
  - 8 О нем см.: *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков. М., 1989. С.179-228.
  - 9 Видимо, это заставило Б.Н.Флорю заключить, что «с приходом под Чигирин войск Г.Г.Ромодановского и И.Самойловича П.Дорошенко 19 сентября 1676 г. капитулировал без боя и отдал победителям знаки власти». См.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672-1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С.125.
  - 10 Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н.Бантыш-Каменским и изданные О.Бодянским. Ч. I. 1649-1687 // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1858. Кн. I. Отд. II. С. 262-263; *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 268-270; и др.
  - 11 Кроме оговоренных случаев, я опираюсь на материалы обстоятельной работы с архивными документами: *Попов А.[Н.]* Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник, 1857. № 6 (т. VIII). С. 143-180; № 7 (т. VIII). С. 285-328. Об укреплении Киева см. также Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. 7. СПб., 1862. № 27 (отчет А.А.Голицына).
  - 12 Источники Малороссийской истории... С. 263.
  - 13 ДАИ. Т. 9. СПб., 1875. № 23.
  - 14 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). Т. 5. СПб., 1842. № 9. Указ датирован 31 августа 1676 г., поэтому срок высылки полка к 9 мая 1679 г. дан в издании ошибочно: верно «1677 г.».
  - 15 Помимо названных см.: *Багалеи Д.И.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948; *Апанович О.М.* Запорожская Сечь в борьбе против турецко-татарской агрессии 50-70-х годов XVII в. Киев, 1961; *Wojcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674-1679. Studium z dziejow polskiej polityki zagranicznej. Wroclaw, 1976; Военная история Отечества. Т. 1. М., 1995. Следует выделить очерк Я.Е.Водарского (Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676-1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 518-531), основанный исключительно на архивных документах.
  - 16 Сообщающий наименьшие цифры по войскам Ибрагим-паши французский дипломат де ла Круа оценивает потери одной турецкой армии свыше 10 тыс. человек. См.: *De la Croix F.* Guerres des truces avec la Pologne, la Moskovie et la Hongrie. Paris, 1689. P. 118.
  - 17 Описание опубл.: ДАИ. Т. 9. № 37.
  - 18 Дневник генерала Патрика Гордона / М.А.Оболенский, М.Е.Посселыт, пер. М.Салтыковой. Ч. 2. М., 1892. С. 185.
  - 19 *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 2 // Ученые записки МГУ. Вып. 94. М., 1946. С.159-162.
  - 20 Цит. по: *Попов А.* Указ. соч. С. 321-322, 325-326.
  - 21 *Загоровский В.П.* Изюмская черта. С. 101; ПСЗ-I. Т. II. № 706.
  - 22 См. новейшую работу: *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 129.
  - 23 *De la Croix F.* Op. cit. P. 117.
  - 24 С азовскими властями было заключено перемирие, состоялся размен пленных, и русские полки на 47 кораблях ушли вверх по Дону, разрушив свою крепость. См.: *Загоровский В.П.* Изюмская черта. С. 86.
  - 25 О миссии Тяпкина см.: *Попов А.* Указ. соч. С. 285-290; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VII. М., 1963. С. 210-212; и др. Его статейный список: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 124. Малороссийские дела, оп. 1. 1677 г. № 24, 25. О его предыдущей миссии см.: *Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673-1677 годах. СПб., 1854.
  - 26 *Белов М.И.* Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л., 1964. С. 374-382; *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57-84.
  - 27 РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1678 г. № 11.
  - 28 ДАИ. Т.9. № 30. 27 марта 1678 г.
  - 29 РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 185. Ср. № 184.
  - 30 РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп.1. 1677 г. № 31, 37.
  - 31 РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. Кн. 15-17.
  - 32 ПСЗ-I. Т. II. № 723 (цит. с. 157, 159); СГГид. Ч. IV. М., 1826. № 111. Ср. с наказом 1677 г.: *Забелин И.Е.* Приговор бояр относительно Чигиринского похода 185 г. М., б/г. С. 5-6.
  - 33 Дневник генерала Патрика Гордона. С. 168; ср.: *Попов А.* Указ. соч. С. 325.
  - 34 *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 129.
  - 35 О его службах см.: *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946. С. 125-125, 247 и др.; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 126-127. Горохов сошел с политической сцены со смертью царя Федора (1682), хотя упоминается при дворе (ошибочно?) и в 1685 г.

- ³⁶ Подробно см.: *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М., 1998. О военной политике государя: *Он же.* Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61-71; *он же.* Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Там же. 1998. № 1. С. 38-45.
- ³⁷ *Плугин В., Богданов А., Шеремет В.* Разведка была всегда... Заново прочитанные страницы истории спецслужб от начала Киевской Руси до конца Российской империи. М., 1998. С. 175-238.
- ³⁸ *Попов А.* Указ. соч. С. 321; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 215-216.
- ³⁹ *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. С. 141-145.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 186-188; *Бернгард Таннер.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. / *Ивакин И.* // ЧОИДР. 1891. Кн. 3 (158). Отд. 3. С. I-XI, 1-203; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 1. (№ 730)
- ⁴¹ *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 2. М., 1999. С. 120-135.
- ⁴² Русская историческая библиотека. Т. 11. СПб., 1889. Ч. 2. С. 329-525; ДАИ. Т. 9. № 46. С. 105-118; *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Приложение II. С. XIX-XXXIV; АИ. Т. 5. № 36.
- ⁴³ ДАИ. Т. 9. № 46. С. 114-118; Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. С. 990-992; *Чернов А.В.* Указ. соч. С. 146, 172.
- ⁴⁴ *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. С. 156-160.
- ⁴⁵ АИ. Т. 5. № 54. Цит. с. 83. На укрепленных рубежах шли обыкновенные бои со степными разбойниками (ДАИ. Т. 7. № 40),. Армии турок не дождалась, хотя даже после заключения мира с Высокой Портой и Крымским ханством, в марте и апреле 1681 г., царские грамоты, например, на Белоозеро требовали обязательной высылки на службу московских и городовых дворян, копейщиков, рейтар, и солдат в полки пограничных разрядов (ДАИ. Т. 7. № 13. XXXIV. Ср. предыдущие 33 документа с весны 1677 до весны 1681 гг.)
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 14-22; Ф. 123. Оп. 1. № 60-61; *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Б.А.Пазухина в 1679 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 30. С. 179-216; Статейный список стольника В.Тяпкина и дьяка Н.Зотова в 1681 г. в Крым // Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. 1; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VII. С. 224-225.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 20-22; ПСЗ-I. Т. II. № 916 (Адрианонопольская 1681 г. и Константинопольская 1682 г. ратификации Бахчисарайского договора).
- ⁴⁸ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 372-374; *Греков И.Б.* «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. М., 1951. № 2.
- ⁴⁹ *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 381 и сл.; *он же.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 144 и сл.
- ⁵⁰ *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // Исторические записки. Т. 33. М., 1950; Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. VI. СПб., 1882. Стлб. 1321, 1376-1397.
- ⁵¹ *Богданов А.П.* Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть I // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 77-108; часть 2: Там же. М., 1995. С. 39-62.